

МОСКВА — КРЫМ

*Учредитель:
Фонд развития экономических
и гуманитарных связей
«Москва—Крым»*

Москва 2001 г.

МОСКВА — КРЫМ

*Историко-
публицистический
альманах*

Выпуск № 3

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора — 5

КРЫМ СЕГОДНЯ

ДОКУМЕНТЫ

- О.А. Котолупов** Фонд «Москва - Крым» — итоги и перспективы — 9
*Гуманитарные и благотворительные мероприятия
фонда «Москва—Крым» в 2001 году — 13
Стипендии фонда «Москва — Крым» — 16*

СТАТЬИ

- А.И. Таряник** Крым курортный в 2000 году — 20
П.С. Бугорский О сотрудничестве Крыма
с российскими регионами — 26
В.Е. Григорьянц О некоторых особенностях процесса
«возрождения ислама» в Крыму — 29

ТАВРИДА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И РОССИЯ

- Р. Т. Дейников** Присоединение Крыма к России в конце
XVIII столетия как естественно-исторический процесс — 45

ЧЕРНОЕ МОРЕ И ФЛОТ

- А.П. Черепков** Постарайтесь убрать «Марию» (одна из версий гибели
линкора «Императрица Мария» в 1916 г.) — 73

КРЫМ ВОЕННЫЙ

- С.Н. Киселев** Всемирно-историческое значение
Крымской войны — 86

ПАМЯТНИКИ КРЫМА

- И.В. Тункина** К истории изучения Херсонеса — Корсуня в конце XVIII —
середине XIX вв. — 96

ТАВРИДА В ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ РОССИЯН

- Э.Б. Петрова** «Мирное убежище» для странствующего поэта
(А.С. Пушкин и С.М. Броневский) — 121
Л.В. Ханило Иконы и кресты А.П. Чехова и его близких
в Ялтинском музее — 150
С.Б. Фишионов Б.Д. Греков — профессор Таврического
университета — 161
С.М. Половинкин Священник Сергей Булгаков и Крым — 169

КРЫМСКАЯ РИВЬЕРА

- А.В. Мальгин** Первопроходцы и туристы в Крыму в конце XVIII —
первой половине XIX вв. — 188
М.В. Нащокина Архитектурный ансамбль Нового Кучук-Коя и московская
«Голубая роза» — 213
В.Ф. Козлов Судьба Нового Кучук-Коя в начале 1920-х гг.
по архивным документам — 240
А.Ф. Козлов, В.Ф. Козлов Два века в судьбе пещер Чатырдага — 247

КРЫМСКИЕ ГРЕКИ

- Т. Василькиоти, И. Жалнина-Василькиоти** Судьба крымского
художника Николая Петровича Химоны (1864—1929) — 271

КРЫМ В МОСКВЕ

- Э.И. Лебедева** Московские караимы в Российской империи — 283
С.Л. Малафеева Свидетель русской славы (Петровский путевой дворец
в Москве — памятник победы в русско-турецкой войне 1768—1744 гг.) —
301

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТАВРИДА

- Стихи Ольги Чюминой и Ивана Тхоржевского о Крыме
Публ. Н.Н. Митрофанова — 312

СЕНСАЦИЯ

- Ю.А. Полжанов, Ю.И. Шутов** Открытие подземного хода у стен древ-
ней крепости Чуфут-Кале (Джуфт-Кале) — 327

ЖИВОПИСНЫЙ КРЫМ

- А.Н. Ларина** Эриклик и императрица Мария Александровна — 333

TAURICA

- Новые книги о Крыме, изданные в 1998—2000 гг. в России
Сост. И.А. Гузеева — 340
Г.А. Санин Рецензия на книгу А.Л. Хорошкевич «Русь и Крым. От союза
к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.». — М., 2001 — 345

Сведения об авторах — 352

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХЕРСОНЕСА–КОРСУНЯ В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВВ.

(Охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира)

И.В. Тункина
(Санкт-Петербург)

Один из древнейших городов Крыма античный Херсонес Таврический (в средневековье Херсон, в русских летописях Корсунь) существовал более двух тысяч лет. Для русской науки его история была притягательна прежде всего тем, что согласно ряду письменных источ-

Вид Севастополя в начале XIX в.

ников после успешного военного похода и взятия города в 989 г. в нем принял христианскую веру князь Владимир, креститель Руси. На месте татарской деревушки Ак-Яр (Белый утес, в русских источниках Ахтиар), состоявшей из 9 мазанок и располагавшейся в небольшой балке на северной стороне рейда в трех верстах от Инкермана, с 1783 г. начали возводить русский военно-морской порт и крепость. 10 февраля 1784 г. по инициа-

тивом Г.А. Потемкина и указом Екатерины II новое укрепление получило греческое название Севастополь («величественный город», «город славы», «высокий, священный город»)¹. Указом Павла I в ноябре 1797 г. ему вернули первоначальное татарское название, а в 1802 г. с воцарением Александра I город вновь стал называться Севастополем (Ахтиаром называли часть города, «проектированную» на восточной стороне Южной бухты, и татарское имя продолжало бытовать еще четверть века). Николай I весной 1826 г. издал специальный указ, «чтобы город Севастополь не именовать впредь Ахтиаром, а всегда Севастополем». В 1804 г. он был объявлен главным военным портом Черноморского флота².

Первые русские описания и топографические съемки Херсонеса и его окрестностей относятся к периоду еще до присоединения Тавриды к России (1783 г.)³. В поденной записке главнокомандующего русской армии князя В.М. Долгорукова (1722–1782) под 19 июля 1773 г. запись: «Должно было ехать между архьярской пристани и развалин древнего гор. Инкермана. Остатки высоких стен, окружавшие просторную площадь, и вне оных великое множество домов. [...] С другой стороны, подле гавани, лежат вправо небольшая греческая деревня Ахьяр через гавань... Бахьяра Херсонес, древнейший во всем Крыму город, основанный во время еще монархии персидской и знаменитый по крещению в нем великого князя российского Владимира. Развалившиеся стены с высокими башнями показывают четверугольную его фигуру, и как время не дозволило ехать к оному, тогда пользовались только зрением на него чрез гавань верст за пять»⁴.

Весной 1784 г. вице-адмирал Ф.А. Клокачев прибыл с эскадрой в Южную бухту. В том же году князь Г.А. Потемкин лично осмотрел все бухты севастопольского рейда и указал место для возведения крепости Севастополя, которая должна была стать главной в Крыму. Незадолго до этого он предписал инженер-подполковнику Н.И. Корсакову «прилежно осмотреть» места для возведения крепостей в Тавриде и представить необходимые проекты и сметы. В описании Корсакова упомянуты развалины Инкермана и Херсонеса: «Ближайший... к Севастополю залив есть Херсонесский, получивший себе звание от города Херсона, где надобно думать, что наш великий князь Владимир воспринял святое крещение. Развалины сего города и поныне видны на западном берегу сего залива, который был его пристанью»⁵.

По ордерам Г.А. Потемкина с 1784 г. началось строительство жилых строений и складов, причем уже готовый отесанный камень, как правило, брали из развалин Херсонеса и его окрестностей, позднее его начали добывать в Инкермане⁶. В своем труде «Физическое описание Таврической области» натуралист К.И. Габлиц (1752–1821) упоминает об удобстве использования при строительстве инкерманского известняка, который можно легко тесать и пилить, «как то и видно по находящимся большим плитам оного между развалинами древнего Херсона, недалеко отсюда отстоящим»⁷. К местам строительства камни из Херсонеса подвозили на судах.

В декабре 1783 г. контр-адмирал Ф.Ф. Мекензи писал графу И.Г. Чернышеву: «Будучи здесь, я нашел в разных местах, поблизости здешнего берега, несколько лодок татарских после ушедших татар — сняв оные, починил и вооружил; четыре, кои поднимают не менее пятнадцати бочек с водою, сделали нам великую выгоду, как для возки воды на фрегаты, так и каменев из старого Херсона». Четыре грузовые лодки, по подсчетам В.Ф. Головачева, могли перевозить до трех тысяч пудов [49,14 т] камня⁸. Известно и распоряжение А.В. Суворова от 1794 г. о производстве работ для возведения «предполагаемых к защите Севастопольской гавани» северных укреплений. Для транспортировки камней им было выделено 5–6 баркасов до тех пор, пока «доставятся свои лодки», и 80 пар волов для сухопутной перевозки груза⁹. Таким образом документально подтверждаются утверждения многих путешественников конца XVIII–начала XIX вв., что руины Херсонеса зачастую использовались в качестве каменоломен для строительства нового города Севастополя.

Херсонес. Общий вид развалин. С открытки начала XX в.

Путешественники конца XVIII – середины XIX вв. были единодушны: ничто так не способствует разрушению древнего города, как строитель-

ство возле него нового, что и случилось с руинами Херсонеса. Швейцарский ученый-энциклопедист Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Тавриду

Херсонес. Последние раскопки. Общий вид. С открытки начала XX в.

в 1832 и 1834 гг., с пафосом писал, что «первый день Севастополя был последним днем Херсонеса»¹⁰. Руины Херсонеса—Корсуня на берегу Карантинной бухты, начиная с 1794 г. неоднократно посещавшиеся жившим в Крыму академиком Петром Симоном Палласом (1741–1811), постепенно растаскивались жителями Севастополя: «При занятии Крыма еще были видны большей частью его стены, построенные из прекрасного штучного камня; красивые городские ворота и значительная часть двух больших башен, из коих одна — у самой бухты, виденная мною в 1794 г. — еще в изрядном виде; но построение города Ахтиара закончило разорение этого древнего города. Прекрасный штучный камень выбрали даже из фундаментов для постройки домов, не озаботившись или не полюбив

камень... также другой сего поменьше и несколько поврежденной с еллинскими надписями. [...] Много таковых старинных редкостей вычерпано из Херсониса. Сколькo вывезено из него колонн, карнизов, мрамора, когда появившийся Ахтиар пришел к нему в соседство... В нем всякое построение до последнего камня сооружено из материалов херсонисских, и там видны в некоторых домах заклад-

енные в лестницах куски отменного мрамора»¹³.

В августе 1804 г. Севастополь с сугубо научной миссией впервые посетил известный антиковед, хранитель Эрмитажа, впоследствии академик Петербургской АН Е.Е. Кёлер (1765–1838). Ученый был потрясен варварским отношением местных властей к археологическим памятникам Крыма. По докладу Кёлера было принято утверждение

П.С. Паллас. Литография. А. Скин. 1860 г.

пытствовав сделать план города или нарисовать хотя бы его набросок...»¹¹. Англичанка Мария Гатри, побывавшая в Крыму в 1795–1796 гг., писала: «Многие остатки древних сооружений, видимые некоторыми людьми, с которыми я беседовала, в течение последних двадцати лет были поглощены...»¹². Павел Иванович Сумароков (1760–1846) еще в 1799 г. описывал разъезжающие фуры, беспрерывно перевозящие в Ахтиар камень. «Я видел в крепости, — писал он, — нечаянно вырытой в недавнем времени, большой белого мрамора

поряжение по Министерству внутренних дел «об ограждении от разрушения древностей Тавриды» (1805). Вторично побывав в Севастополе в июле–августе 1821 г., Е.Е. Кёлер поразился масштабом происшедших перемен на городище Херсонеса. «...От развалин, которые я посетил 16 лет тому назад, — писал он в дневнике, — осталась едва сотая часть... Не видно и следа древних построек»¹⁴. Свидетельства Кёлера об утилитарном отношении к остаткам древности властями и жителями Севастополя подтверждаются документами. Показательно

письмо Таврического гражданского губернатора (1803–1807) Д.Б. Мертваго к министру внутренних дел А.Б. Куракину от 23 мая 1807 г. о земле, принадлежащей городу Севастополю: «Пространство от Георгиевского монастыря к Севастополю, где по берегу моря на расстоянии более 20 верст [21,34 км] продолжают развалины, о многолюдном древнем Херсонесе объявляющие, должно принадлежать военному на-

хорошее образование, понимали важность сохранения «антиков», необходимость их охраны, коллекционирования и изучения. Наряду с картами, планами городов, чертежами и моделями кораблей, коллекциями минералов, раковин, окаменелостей, чучел животных, вещами этнографического характера, в Депо стекались античные надписи, скульптура, монеты, керамика. «Антики» привозили не только из районов Северного Причерноморья — Тиря, Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Тамани, Анапы, но и собственно из Греции, прежде всего, с островов

Части колонн херсонесских храмов

чальству... Заведение хуторов действительно полезно. Трудями чиновников и не малым их иждивением по очищению от развалин обработанная земля и насаждениями украшенная, по справедливости должна им принадлежать»¹⁵.

В 1803 г. в Николаеве по инициативе главного командира Черноморского флота и портов маркиза Жана Батиста Прево Сансака (Ивана Ивановича) де Траверсе (de Traversay, 1754–1831) был открыт Кабинет редкостей при Черноморском Депо карт — первый государственный музей в Новороссийском крае¹⁶. Черноморскому флоту принадлежали земли во многих местах Северного Причерноморья. При проведении хозяйственных, строительных и фортификационных работ моряки постоянно сталкивались с материальными остатками прошлых эпох. Многие офицеры, большинство из которых получили

Архипелага, а также из Малой Азии. Узнав о том, что Харьковскому университету разрешено собирать археологические памятники, И.И. де Траверсе в августе 1809 г. подал рапорт министру морских сил П.В. Чичагову с обоснованием необходимости сосредоточения древностей в Черноморском Депо карт. Александр Гутвердид предложил И.И. де Траверсе и П.В. Чичагову, и морское ведомство получило право собирать «антики»

для Депо не только на своих землях, но и со всего Новороссийского края, причем Харьковскому университету предоставлялась возможность изучения надписей, хранящихся в Николаеве. Немедленно были разосланы циркуляры с приказом «все помянутые древности доставить в Керчь и Севастополь или к другим черноморским портам по удобности, а оттоль на судах в Николаев, где состоит морское Депо»¹⁷.

Кабинет редкостей Депо карт не являлся единственным собранием археологических памятников на Черноморском флоте. Е.Е. Кёлер, посетивший Николаев в 1804 г., осмотрел в коридоре Штурманского училища шесть античных мраморов с надписями и барельефами. Он ходатайствовал у И.И. де Траверсе об отправке памятников президенту Академии художеств графу А.С. Строганову¹⁸. По указанию Е.Е. Кёлера казаки из Ахтиара (Севастополя) отправили в Николаев античный мрамор, который де Траверсе намеревался представить императору Александру I. Судя по архивным документам, адмирал всячески способствовал первой поездке Е.Е. Кёлера по Северному Причерноморью.

Другой иностранец на русской службе, Алексей Самуилович Грейг (1775–1845), главный командир Черноморского флота и портов с 1816 г. по 1833 г., вошел в историю Новороссийского края как просвещенный администратор. Историк русского флота П. И. Белавенец справедливо сказал о нем: «...Англичанин [вернее, шотландец — И.Т.] родом, но по пользе, принесенной России и русскому флоту, более русский, чем многие россияне»¹⁹. Энциклопедически образованный человек, почетный член Петербургской Академии наук (1822), Грейг начал энергичную деятельность по совершенствованию Черноморского флота, русского кораблестроения,

развитию науки и техники²⁰. В отчете о своей деятельности за первые 12 лет пребывания на посту главного командира А.С. Грейг указал 246 различных мероприятий по улучшению флота и его учреждений, в том числе по ограждению от разрушения древностей Крыма²¹.

Е.Е. Кёлер несколько раз встречался с адмиралом в Николаеве в июне 1821 г. и пытался убедить его в необходимости принять срочные меры по изучению и охране археологических памятников Херсонеса. Академик встретил полное взаимопонимание со стороны главного командира. Кондуктору Кузнецову было поручено составить план городища²², а плантеру Карлу Крузе в 1827 г. — провести раскопки с целью поиска фундамента легендарного храма, в котором крестился князь Владимир. Все найденные при раскопках К. Крузе древности были доставлены в Кабинет редкостей Депо карт в Николаеве. Источником пополнения флотского собрания стала и покупка памятников у местных жителей. В документах зафиксировано имя кузнечного мастера 12-го класса Иванова, продавшего в 1824 г. в Депо барельеф «с изображением овна» (агнца) и две капители из Херсонеса²³. В 1840 г. большая часть памятников из собраний штурманской роты и Депо карт была передана музею Одесского общества истории и древностей.

Краткое описание руин Херсонеса и Гераклейского полуострова оставил в своих путевых записках писатель и дипломат А.С. Грибоедов, посетивший Севастополь в июле 1825 г. Цитируя летопись Нестора, он рисует картину взятия города князем Владимиром. Во время прогулок по окрестностям городища Грибоедов обратил внимание на поля, разделенные «на клетки» каменными основаниями. «Не здесь ли... херсонеситы живали на

дачах?.. — задается вопросом автор. — Впрочем, я ужасный варвар на счет этих безмолвных свидетелей былых времен; не позволяю себе даже догадок»²⁵. В путевых записках писателя представлены рисунки каменных блоков и стен античных усадеб, и даже приведены их размеры.

В 1822 г. после высочайшего повеления о «средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды», принятого по докладу Е.Е. Кёлера, растаскивание камня частными людьми с городища Херсонеса пытался прекратить Таврический гражданский губернатор Н.И. Перовский. В сентябре того же года к нему обратился с письмом инспектор конторы Севастопольского военного карантин Дроконов: «Уже с давнего времени разрушаются древности старинного Херсонеса, дабы построить партикулярным особам разные здания вне карантин, хотя карантинная контора о сем морскому начальству неоднократно просила учинить препятствие. Но за всем тем не уничтожаются. А так как Херсонес весьма в ближнем расстоянии от самого карантин, то и просит Ваше превосходительство, не будет ли взыскиваемо от конторы за разрушение херсонесских стен, разрешения». Генерал-губернатор ответил гневным письмом с требованием прекратить вывоз камня с городища, и обратиться за помощью к командиру Севастопольского порта адмиралу Ф.Т. Быченскому для «принятия зависящих... мер»²⁶.

Однако, несмотря на строгие приказы, положение не изменилось. Узнав, что древний обработанный камень с городища Херсонеса используется местными жителями в качестве готового строительного материала, в ноябре 1824 г. главный командир Черноморского флота и портов А.С. Грейг предписал флотскому начальнику Севастополя контр-

адмиралу Ф.Т. Быченскому принять меры к охране древностей и «учредить около места того особенные обходы, поручив оные команде карантинной бригады, вблизи развалин тех состоящей»²⁷. В 1825 г. аналогичное предписание отправил генерал-губернатор Новороссийского края граф М.С. Воронцов, приказав довести свой циркуляр о запрете на грабительские раскопки на юге России до сведения полиции и подтвердив ей «строжайше смотреть, чтобы из развалин Херсонеса никто не осмеливался брать камней на строения, как то бывало прежде», объявить это местным жителям и предупредить их об административной ответственности²⁸.

Опасаясь (и, как оказалось впоследствии, не без оснований) за сохранность руин Херсонеса из-за возможного назначения на новую должность и появления менее «просвещенного» преемника, А.С. Грейг одновременно ходатайствовал у начальника главного морского штаба А.В. фон Моллера выхлопотать у императора высочайшее утверждение своих распоряжений об охране древностей Херсонеса. Но в ответ получил отписку с предложением обратиться к генерал-губернатору Новороссийского края. В следующем письме адмирал разъяснил, что «земля, на коей прежде существовал помянутый город, принадлежит Севастополю, который по званию моему военного губернатора оно, находится в полном моем распоряжении, а потому и меры к сохранению означенных развалин... не входят в круг действий Новороссийского генерал-губернатора, а наиболее зависят от меня. Но как всякое распоряжение по сему предмету... может существовать токмо до пребывания чиновника сего в настоящем звании, после же его от воли преемника зависеть будет продолжать или унич-

тожить оные; то обстоятельство сия, могущее подвергнуть совершенному уничтожению развалины города, в российских летописях столь знаменитого, и бывшего... колыбелью происхождения России христианскою религиею, и было причиною, побудившею меня просить... об исходатайствовании на сохранение оных Высочайшего соизволения». Однако к судьбе Херсонеса Моллер не проявил никакого интереса, и вопрос так и остался нерешенным²⁹.

О том, что распоряжения Грейга касались охраны не только городища Херсонеса, но и руин на всем Гераклевском полуострове, свидетельствует его донесение в Комитет образования флота от 25 марта 1826 г., являющееся комментарием к отправляемому в Петербург плану Севастополя: «За Артиллерийскою бухтою следует Карантинная, где устроен карантин, который здесь существует под названием «военного карантин», но зависящего от ведения гражданского начальника... За Карантинною бухтою следуют: Стрелецкая, Камышевая и Качачья, кругом которых видны остатки развалин древнего Херсонеса, и на берегах не имеется никаких строений, кроме малых батарей и карантинных и таможенных кордонов...»³⁰.

В феврале 1832 г. А.С. Грейг писал командиру Севастопольского порта вице-адмиралу К.Ю. Патаниоти: «Вашему Превосходительству известны намерения начальства о сохранении сколько то возможно древностей от расхищения и умышленного истребления или порчи. Осведомясь с сожалением, что Инкерман, представляющий многие остатки целых зданий, в скалах иссеченных, и другие памятники, самим временем пощажённые, разрушаются и истребляются легкомыслием и невежеством, а потому, предлагаю... подтвердить здесь по морскому и другим ведомствам о не-

прикосновенности Инкермана и принять возможные меры к наблюдению, дабы распоряжения начальства были строго исполнены»³¹.

А.С. Грейг принял решение отметить место крещения князя Владимира сооружением по общенародной подписке и «с высочайшего соизволения» памятника и при нем небольшого «богоугодного заведения» на 20–30 чел. для инвалидов и неимущих, которые и должны были наблюдать за сохранением развалин от расхищения. В июне 1825 г. адмирал обратился к президенту Академии художеств А. Н. Оленину с просьбой поручить одному из «отличнейших в империи художников» составление проекта памятника, который в зависимости от собранной суммы будет храмом, часовней или обелиском. Знаюка истории Тавриды И. М. Муравьева-Апостола Грейг просил указать, в каком именно месте находился храм, где крестился св. Владимир, или место ворот, через которые древнерусский князь въехал в Корсунь, но, как и следовало ожидать, вразумительного ответа не получил³².

Управляющему Херсонским инженерным округом инженер-полковнику Клеменсу главный командир флота поручил составить план развалин Херсонеса и окрестностей. На дошедшем до нас «Плане древнему городу Херсонесу, лежащему близ Севастопольского порта с Карантинною бухтою...» (18 июля 1825 г.) отмечены избранное Клеменсом для памятника «возвышенное место» (А), рядом в низине южнее — место для здания богадельни (В), которое «со стороны моря от неприятельских покушений будет совершенно сокрыто», оборонительные стены и фундаменты построек, а также следы размежевания античных земельных наделов в ближайших окрестностях городища. План чертил кондуктор

Херсонес. Развалины древнехристианского храма и базилики. Фото начала XX в.

Херсонес. Образец древнехристианского храма (базилики). С открытки начала XX в.

Херсонес. Мозаичный пол в византийском храме. С открытки начала XX в.

Херсонес. Остатки византийского храма. Фото начала XX в.

Кузнецов (масштаб: «дюйм английский разделен на 50 частей и каждая взята за сажень»)»³⁵.

29 октября 1825 г. во время пребывания императора Александра I в Севастополе А.С. Грейг поднес ему записку о необходимости начать общенародную подписку на сооружение храма в честь св. Владимира и получил разрешение на ее открытие. Император поручил Академии худо-

ная майором Монтеверде в 1831 г., была отвергнута, составление второй было доверено подполковнику строительного отряда путей сообщения Каулингу, предложившему на выбор три места для возведения монумента. Первое располагалось на возвышенности, которая «выше горизонта Черного моря на 101 фут», второе — «на 77 фут выше моря, имеет вблизи величественный курган и развалины

Херсонес. Последние раскопки. Общий вид. С открытки начала XX в.

жеств составить проект памятника в виде изящной церкви и богадельни при ней. В 1829 г. Академия художеств представила Николаю I проект обелиска, выполненный архитектором Беретти. С разрешения императора была открыта общенародная подписка на его сооружение, продолжавшаяся вплоть до 1832 г.³⁴ К 1833 г. Черноморской казначейской экспедицией в Николаеве по всей России было собрано 201 444 руб. 47 коп. ассигнациями и 8 653 руб. 39 коп. серебром³⁵. Однако составление смет затянулось на несколько лет: первая, составлен-

древнего храма или дворца; оно находится против дороги, идущей от Севастополя до старого города», третья — «место выше 50 фут моря имеет в углу древние развалины церкви, свода и колодца». Плантер Карл Крузе предоставил в распоряжение Каулинга теодолит с телескопом для съемки планов городища.

В объяснительной записке 1831 г. Каулинг писал: «Развалины во всех трех местах находятся на поверхности земли, и количество оных замечено мною особо. Качество грунта в тех местах одинаковое... и при сделан-

ной пробе четыре человека крепкого сложения не могли провернуть буром, в середине места, глубже сажени [...]. По обозрениям моим внутренних развалин стен древнего Херсонеса я видел ямы, своды и пещеры, и надобно полагать, что... в земле еще есть подобные рытвины, коих теперь усмотреть никак нельзя, следовательно, необходимо будет, на имеющем назначении для фундамента месте, пробовать грунт земли расстоянием на 7 сажень во все стороны...» На документе сохранился комментарий обер-интенданта флота Н.Д. Критского: «На месте Херсонеса, где предполагается воздвигнуть памятник, существовали и храмы, и многие величественные здания, что доказывается развалинами... Город хотя разорен, но все фундаменты существуют. Они прочны сами по себе, и там, где столько огромных зданий на каменном мыске, можно без всякого осмотра и без всякого испытания воздвигнуть и памятник»³⁶.

Обелиск предполагали воздвигнуть, используя камень из каменоломен близ Вознесенска. В марте 1832 г. обер-интенданта флота Н.Д. Критский предложил разделить обелиск на 7 равных частей по 1500 пудов каждый, но вывозу гранита воспрепятствовало обмеление окрестных рек, и перевозка не состоялась³⁷.

В сентябре 1836 г. новый главный командир Черноморского флота и портов М. П. Лазарев при встрече с Николаем I в Чембаре завел разговор о судьбе памятника в честь крещения св. Владимира, на который было собрано около 350 тыс. руб. ассигнациями, хранившимися в Одесском коммерческом банке³⁸. По решению императора вместо обелиска было решено возвести храм в русско-византийском стиле по проекту архитектора К.А. Тона, но не в Херсонесе, а в самом Севастополе, неподалеку от

офицерской морской библиотеки, место которому Николай I определил сам³⁹. Еще в 1834 г. очередную смету поручили составить архитектору В.А. Рулеву⁴⁰. В мае 1837 г. Тону через строительный департамент Морского министерства был представлен «Генеральный план местности с нивелированием и развалившимися стенами древнего Херсонеса, равно и с показанием мест, на которых... предполагалось воздвигнуть монумент и построить богадельню», снятый штабс-капитаном Афанасьевым под руководством инженер-полковника Класова⁴¹.

В апреле 1845 г. император утвердил состав Комитета для построения храма Св. Владимира в Севастополе. В январе 1846 г. будущий герой севастопольской обороны капитан 1 ранга В.А. Корнилов с горечью писал адмиралу М.П. Лазареву: «Я ужас-

Светильник. IV—V вв. Из раскопок херсонесского некрополя

нулся равнодушию России — ведь это памятник самой замечательной эпохи в нашей народной истории, и что же? Всего 300 тыс., и Рулев строитель! Мне кажется, что надо бы открыть новую подписку и создать что-нибудь достойное русского православного народа, а иначе потомство будет с пренебрежением говорить о нашем времени. Отчего бы не выстроить храм из камня, из которого воздвиг себе дворец гр. Воронцов!⁴² Неужели все православие России не в состоянии пожертвовать виновнику нашего просвещения

столько, сколько гр. Воронцов бросил на прихоть, на фантазию!»

В.А. Корнилов просил профессора Академии художеств К.П. Брюллова взять на себя проект художественного оформления интерьера — подготовить эскизы и подобрать художников для выполнения иконостаса и других частей храма⁴³, однако петербургская знаменитость отказался принять участие в работе. В 1848 г. императором был одобрен проект архитектора К.А. Тона⁴⁴. По распоряжению царя в том же году была открыта новая подписка для сбора пожертвований на храм, завершившаяся в 1851 г.

Одесское общество истории и древностей еще в 1839 г. безуспешно пыталось найти «сотрудника» для наблюдения за работами Херсонеса, которому можно было бы доверить и проведение раскопок. Общество пыталось следить за тем, чтобы Херсонес не превратился в арену кладоискательства⁴⁵. В благодарность за передачу из Черноморской штурманской роты в музей ООИД древностей, в

Капса с изображением Христа Пантократора. XI—XII вв. Из раскопок в Херсонесе

том числе херсонесских, общество избрало главного командира Черноморского флота вице-адмирала М.П. Лазарева своим почетным членом и в 1840 г. просило содействия в снятии видов и планов остатков Херсонеса, копий фресок в Инкерманских пещерах. Лазарев поручил эту работу художнику А. Кухаревскому и военному топографу, прапорщику Федотову, снимавшему планы Севастополя⁴⁶. Запросы Одесского общества

обычно спускались по команде члену севастопольского Карантина, председателю Севастопольского статистического комитета, капитану 1 ранга Захарию Андреевичу Аркасу (1793–1866), в 1846 г. ставшему его действительным членом.

20 сентября 1843 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский просил М.П. Лазарева представить «подробное описание древностей, близ г. Севастополя находящихся». Лазарев поручил составить описание Статистическому комитету, что и было исполнено в августе 1844 г. З.А. Аркасом⁴⁷. Копию описания автор препроводил в Одесское общество.

«Знаю, что тут есть много ошибок при составлении истории Гераклеийского полуострова, — писал Аркас вице-президенту общества А.Ф. Негри, — но они произошли по неимению в нашей библиотеке тех книг, из коих можно было бы почерпнуть нужные сведения; в отношении же описания мест, то нет никакого сомнения, они описаны верно. Если Вашему Превосходительству угодно иметь планы и виды этих мест, то прошу покорнейше обратиться с требованием к главному командиру как об описании этом, которое я посылаю частно, так и о планах и видах, дабы можно было бы потребовать инженерного кондуктора, знающего рисовальное искусство, для снятия с черновых, находящихся при делах Статистического коми-

тета»⁴⁸. «Описание Иракийского полуострова и древностей его» З.А. Аркаса вскоре было опубликовано в трудах Одесского общества⁴⁹.

В 1845 г. общество просило М.П. Лазарева представить подробные сведения и планы Инкермана, Херсонеса, Мангупа, а также доставить в Одессу «все мраморные колонны» и барельефы. В феврале 1846 г. оно ходатайствовало поручить сбор древностей именно З.А. Аркасу как своему корреспонденту⁵⁰. М.П. Лазарев написал последнему присутствовать «при выборе из херсонесских развалин всего того, что носит отпечаток древностей в отношении архитектурном». На городище были собраны все «колонны, капители, пьедесталы, карнизы и всякие другие обломки, имеющие какую-либо художественную форму»⁵¹. В Одессу морем отправили «пьедесталей поврежденных восемь и больших обломков из колонн пять» (на одной из колонн «находится выпуклый крест, а прочие гладкие»), а также две мраморные капители⁵². Херсонесские древности попадали не только в музей общества. В 1845 г. Севастополь посетил Николай I. Увидев в стене Петропавловской церкви мраморный барельеф Феагена, описанный многими путешественниками, император распорядился отправить его в Эрмитаж⁵³.

В середине XIX в. на руины Корсуни русские летописцы обратили внимание представители русской православной церкви. Указом Синода от 4 мая 1850 г., утвержденным императором Николаем I, начальству Херсонской епархии разрешалось заняться восстановлением древних «святых мест» в Крыму⁵⁴. Церковные иерархи в 1850–1852 г. стали добиваться передачи участков земли, принадлежавших Севастопольскому порту, в ведение Таврической епархии для увековечивания места крещения кн.

Владимира⁵⁵. Архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий составил специальную «Записку о восстановлении древних святых мест по горам Крымским» (1850), где под пунктом 4 обозначены христианские памятники Херсонеса:

«Между этими развалинами доселе приметны основания 4-х церквей, трех меньших и одной большей, которую не без причины признают за соборную, в коей крестился Св. Владимир. [...] Поелику основания древней церкви на развалинах Херсонеса целы доселе и даже сохранились части колонн и орнаментов ее (они находятся в Одесском музее древностей), то новейшая архитектура в состоянии по сим данным восстановить ее в том древнем виде, как она была при Владимире, что и составит самый приличный памятник на месте его крещения... [...] Здесь кроме,

Крест киотный. Первая половина XIII в. Из раскопок в Херсонесе

может быть, оснований древней церкви, надобно будет делать все снова, а именно кроме восстановления самой церкви в древнем виде должно: 1) устроить помещение священнослужителям с особою комнатою для любителей; 2) возобновить древнюю, находившуюся при церкви, цистерну; 3) насадить вокруг церкви деревья и сделать ограду. [...] Таврида наша с горами своими и священными воспоминаниями, кои при-

шли в забвение у православной России... представляет к тому единственное средство». Иннокентий предлагал «придерживаясь формы пустынножительства» по примеру Афона, учредить в Крыму иноческое братство, члены которого, по желанию и возможности, могли бы заниматься «собираением исторических преданий и описанием древностей»⁵⁶.

ных участков в составе Иннокентия, начальника Бахчисарайского Успенского скита о. архимандрита Поликарпа и двух иеромонахов — Василия и Виссариона⁵⁸.

В 1852 г. на территории городища архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием был открыт Херсонесский монастырь, первоначально под видом общежительной киновии.

Херсонес. Вид «пролома» или «калитки», то есть выхода за город

Найдя поддержку, как в Главном морском штабе, так и у главного командира Черноморского флота и городской думы Севастополя, Иннокентий просил составить планы передаваемых участков земли, которые были выполнены в ноябре 1851 г. 19 марта 1852 г. император разрешил передачу 36,5 десятины [39,78 га] на территории городища Херсонеса и его окрестностей и 20 десятин [21,8 га] в Инкермане⁵⁷. В мае того же года была создана специальная епархиальная комиссия для приема земель-

До нас дошла записка игумена херсонесского монастыря Василия, представленная архиепископу Иннокентию в 1852 г. о качестве и вероятном использовании земель монастыря, сопровождаемый планом Херсонеса, с расшифровкой обозначений⁵⁹. Первую церковь в честь Св. княгини Ольги, матери св. князя Владимира, при строительстве которой были обнаружены остатки византийского храма, освятили в феврале 1853 г. Настоятель игумен Василий (Юдин) обнес городище Херсонеса стеной⁶⁰ и получил

разрешение на сооружение известковой печи, где «в пользу киновии» пережигался на известь мелкий камень, разбросанный по его территории. Этому не препятствовал З.А. Аркас, полагавший, что таким образом скорее обнажатся фундаменты зданий, улиц, площадей, откроются мраморы и другие древности⁶¹.

Активность представителей православной церкви в Херсонесе совпала с важным археологическим открытием. В 1851 г. лейтенант Шемякин на собственный счет провел раскопки и обнаружил южную стену византийской церкви⁶², ставшую известной под именем Уваровской базилики. 30 марта 1851 г. Аркас писал секретарю Одесского общества Н.Н. Мурзакевичу: «Спешу уведомить Вас, что один лейтенант, по имени Шемякин, нашел на развалинах Херсонеса, у башни, которая находится между пристанями, устроенными по западную сторону, у самого моря, — мозаики, подобные софийской церкви. Обстоятельство этого заставило его привести несколько рабочих людей, и, открывая, нашел на стенах окрашенную щекотурку [штукатурку — ИТ.], пол, выстланный крупным простым мозаиком, куски мраморных узких пилястр с резьбою прямых полукруглых линий и на одном из них вырезан крест, а под этими мраморами нашлись остоны человеческие, но монет не оказалось никаких; мелкий же хороший мозаик разного цвета, в числе коих есть и золотистого, находят по всему пространству. Шемякин открыл только южную стену этого здания, и как он хотел присвоить себе все найденные им вещи, то Карантинное правление и я не позволили ему, и потому он прекратил свои занятия. По рассмотрению мною этого места, кажется, должна быть церковь длиною 13 [27,742 м], шириною 5,5 сажени [11,737 м], алтарь, ее круглая башня, означенная в

моей карте между пристанями, а примыкающая к нему стена — северная паперть — давно обрушилась в море, и камней нет. Рисовка на щекотурных стенах очень похожа на рисовку под образами, но выше нет стен, на которых, вероятно, были изображены лики образов. Разноцветный мозаик, разбросанный по всему пространству, полагать должно был на куполе, и когда обрушился он, рассыпался. Впрочем, это одно только мое предположение. Чтоб удостовериться, нужно открыть все это место, но без содействия начальства сделать не можно. Отысканный мрамор Шемякиным: 10 кусков пилястр, одна мраморная база и несколько небольших кусков мрамора, без надписи, отобраны и хранятся в Карантине». Аркас просил донести информацию об открытии архиепископу Иннокентию. «...Если это здание окажется церковь, то она по величине своей и внутренним украшениям превосходит ту, которую полагаем, что [в ней] крестился Владимир, и хотя возобновить ее... Препятствия совершенно крестообразна, а у найденной теперь очень мало выдается северная паперть, у южной же — вовсе не видно, и потому не имеет хороший вид. При том она у самого берега моря и подвергается ударениям морского ветра, а на ту, которая посреди города, менее действует ветер, хотя основание её выше от поверхности воды. Во всяком случае трудно будет решить, в которой из них крестился Владимир»⁶³.

Работы Шемякина были прекращены по настоянию З.А. Аркаса, который 12 августа 1851 г. отправил найденные мраморы в Одессу. Узнав об открытии храма, Одесское общество немедленно обратилось с письмом к капитану Севастопольского порта вице-адмиралу С.П. Хрущеву: «Хотя со стороны Севастопольского карантинна дальнейшие разыскания г. Шемякина,

Створка энколпиона
с изображением Богоматери
и евангелистов. XIII в.

Створка энколпиона.
XIII в.

Херсонес. Общий вид раскопок. С открытки начала XX в.

Херсонес.
Оборонительная стена,
храм Святого Владимира.
С открытки начала XX в.

Херсонес.
С открытки начала XX в.

Херсонесский музей. С открытки начала XX в.

как производимые без плана и ученой цели, приостановлены и найденные вещи взяты под сохранение, однако общество... находит разрытие классических мест частными лицами, для собственных их приобретений, не соответствующими тем правилам, которые обществу утверждены высоким началь-

А.С. Уваров

ством». Далее говорилось о необходимости прекратить подобные раскопки, т. к. общество само предполагает приступить к археологическим исследованиям Херсонеса «по предначертанному систематическому плану и с целью найденные предметы сохранить и потом описать ученым образом»⁶⁴.

В ноябре 1852 г. Н.Н. Мурзакевич, помятуя о замысле Иннокентия вос-

становить церковь, где якобы крестился кн. Владимир в том виде, какой она была в древности, как памятник этому знаменательному событию, составил записку «Восстановление херсонесской церкви в первобытном виде». Секретарь ООИД подчеркнул, что в настоящее время на территории городища видны «следы четырех церквей», самая древняя из которых — крестово-купольный храм — воздвигнута из обломков языческого храма (к записке приложен план фундамента здания с обозначением масштаба)⁶⁵. В 1852 г. по распоряжению Иннокентия иеромонахом Василием был вскрыт фундамент этой церкви. В июле того же года Мурзакевич и Аркас сняли на месте ее план «вместе с фундаментом соприкосновенных к ней жилых зданий». Они посчитали, что вскрытые фундаменты являются остатками церкви Богородицы, где согласно летописи Нестора крестился Владимир, и дома, где жила царевна Анна. Свою гипотезу они сообщили Гавриилу, который распорядился восстановить церковь по древнему плану епархиального архитектора Отона. Работа эта проводилась под руководством Мурзакевича. «Мысль наша была при восстановлении храма во всех его древних пропорциях вместить в него все те кашители, колонны, pedestалы, карнизы и разные орнаменты, которые отысканы в Херсонесе и которые хранятся в музее общества; недостающее же число других принадлежностей предполагалось воспроизвести по древним образцам, существующим в обломках. Внутреннюю отделку алтаря, иконостаса и проч. тоже полагалось воспроизвести по образцам древних храмов. Проект такого строго археологического реставрирования был сопроводжен моею историко-археологической запискою, которая вместе с планами г. Отона осенью 1853 г. были препровождены в Петер-

бург, по случаю присутствия преосвященного Иннокентия в Св. Синоде. Какая участь постигла наш проект и доселе неизвестно!» — писал Мурзакевич 18 октября 1860 г.

Игумен Василий летом 1853 г. начал проведение раскопок крестообразной в плане церкви в центре городища, пытаясь найти поблизости фундамент дворца, в котором жил кн. Владимир. Им были найдены следы оснований здания, лежащего сразу за алтарем церкви. 6 ноября 1853 г. он сообщил Иннокентию: «При открытии места около развалин храма, который назначен к возобновлению, в память крещения св. равноапостольного князя Владимира, с правой стороны их, ровно с стеною большого строения, открыты остатки трех мраморных колонн, на таких же pedestалах. Они обращены к церкви и, как видно, образовали галерею какого-нибудь большого и хорошего дома, остатки которого частью открыты. Теперь, кажется, можно сказать, что это был терем царский. На прежнем плане, поданном Вашему Высокопреосвященству, церковное строение и стена дома были соединены малым полукругом, а теперь между ними свободный ход, а полукруг не составлял фундаментальной постройки. Впереди алтаря тоже отысканы стены с перегородками, но для верного определения все это нужно углубить и расчистить далее». Раскопки Василия были вскоре прекращены, т. к. 18 рабочим за 20 дней работ нужно было заплатить 90 руб. серебром из скудных средств киновии. К его рапорту приложен план раскопок с обозначением фундаментов построек, не расчищенных и расчищенных от камней мест⁶⁷.

В 1853 г. по приказанию министра уделов Л.А. Перовского камер-юнкеру А.С. Уварову было поручено проведение раскопок в Херсонесе. Министр приказал снабдить молодого археоло-

га тремя ножами различной величины «для осторожного ощупывания и отделения земли около открытых вещей» и тремя ситами для просеивания земли «в несколько раз, дабы не оставить в ней мелких предметов». Управляющий морским министерством великий князь Константин Николаевич предписал исполняющему обязанности Главного командира Черноморского флота и портов М.Б. Берху оказать всемерное содействие археологу⁶⁸. В помощь А.С. Уварову морское ведомство по словесному приказанию М.П. Лазарева прикомандировало подпоручика корпуса флотских штурманов Федорова⁶⁹. В распоряжении камер-юнкера находились также художник Медведев и топограф для снятия плана городища⁷⁰.

Для проведения исследований на городище Херсонеса и в Инкермане А.С. Уварову требовалось разрешение архиепископа Иннокентия. Молодой археолог получил положительный ответ, но с оговоркой, что раскопки «должны получить новый характер и быть приспособлены к целям высшим, по крайней мере, не быть в противоречии с ними... По нашему плану и для наших целей первое всего желательно было бы в Херсонесе открыть совершенно развалины той церкви, в коей, по общему почти мнению, совершилось крещение вел. кн. Владимира, с ближайшими к ней зданиями...». Иннокентий просил А.С. Уварова, чтобы найденные «вещи... оставались на месте, ибо из всех подобных находок предположено устроить со временем в Херсонесе и Инкермане по небольшому хранилищу местных древностей»⁷¹. А.С. Уваров немедленно доложил об этом графу Л.А. Перовскому, а тот, в свою очередь, — Николаю I. Император принял соломоново решение и распорядился христианские древ-

ности оставить в распоряжении Иннокентия, а памятники античного периода, открытые А.С. Уваровым, отправлять в Эрмитаж⁷². Раскопки А.С. Уварова в Херсонесе велись с 28 октября по 5 декабря 1853 г.⁷³ Работы проводил лейтенант Шемякин, а граф лишь осуществлял общее наблюдение над ними⁷⁴.

7 ноября 1853 г. на «заросшем и неогороженном» месте Уваров приступил к раскопкам церкви в северной части городища у самого берега моря⁷⁵, которая ранее была принята З.А. Аркасом за сторожевую башню, а на плане, изданном столичным нумизматом Б. Кёне, обозначена как ц. Св. священномученика Климента епископа Агкирского⁷⁶. Она оказалась одним из наиболее крупных храмов Херсонеса и вошла в литературу под именем Уваровской базилики. Еще до раскопок были видны фрагменты мозаики, «составленной из маленьких четырехугольных камней разных цветов». План храма читался на поверхности, поэтому памятник был вскрыт Уваровым целиком широкой площадью, до уровня мозаичного пола, а не траншеями, как в Ольвии⁷⁷. После очистки местности от камней, под дерновым слоем были найдены вделанные в стены древнегреческие надгробия с надписями, обломки мраморных колонн, пьедесталов, плит с высеченными крестами, открыт мозаичный пол и пр.⁷⁸ Работы проводились с точным соблюдением инструкций Л.А. Перовского. В рапорте Василия архиепископу Иннокентию имеется упоминание, что А.С. Уваров при раскопках просеивал землю через решето, чтобы не пропустить фрагменты камней или металла с надписями⁷⁹.

В письме А.С. Уварова Иннокентию от 6 декабря 1853 г. граф подробно освещает ход своих раскопок храма и описывает найденные в нем древности. Наступившие холода оста-

новили раскопки, поэтому исследование базилики не было доведено до конца. Охрану находок и фундамента здания с остатками мозаик А.С. Уваров поручил настоятелю Петропавловской церкви Арсению Лебединцеву⁸⁰. Храм впоследствии был доисследован раскопками К.К. Косцюшко-Валюжинича, Р.Х. Лёпера⁸¹ и В.А. Кутайсова. Как установлено новейшими исследованиями, Уваровская базилика была построена не ранее VII в., в древности неоднократно перестраивалась и функционировала как храм длительный период⁸².

Начавшаяся в сентябре 1853 г. война России с Турцией, а в марте 1854 г. с Англией и Францией, известная в истории как Крымская (1853–1856), нарушила планы А.С. Уварова о продолжении раскопок. Обеспокоенный сохранностью херсонесских памятников, Л.А. Перовский доложил Николаю I об открытии базилики с мозаичным полом, который император повелел немедленно перевести в Эрмитаж. В начале мая 1854 г. наблюдение за перевозкой было поручено А.С. Уварову, которому придала в помощь коллежского регистратора Медведева и старшего мастерового 1 разряда Петергофской гранильной фабрики Василия Докторова.

Во время обороны Севастополя территория Херсонеса оказалась занята противником: херсонесская церковь Св. Ольги была разрушена французскими войсками, на месте келии построена батарея с пороховыми складами, а по городищу в разных направлениях прокопаны траншеи. Покидая Севастополь, французы и англичане прихватили с собой древности, хранившиеся в устроенном Иннокентием музее при кинонии, и вещи из проводившихся ими на городище грабительских раскопок под руководством полковника 39 полка Манро (Munroe) (на раскопках было занято

50 чел.), впоследствии переданные в Британский музей⁸³. Манро также провел исследования в окрестностях Балаклавы и нашел монеты, терракотовые статуэтки, один «красивый» рельеф и много посуды. Краевед В.Х. Кондаракис вспоминал также «рассказ одного француза, что при дальнейших раскопках ими открыт был в Херсонесе храм с мозаичным полом, имеющим около 60 кв. саженей [273 кв. м], который целиком был взят и отправлен за границу, и что под храмом этим крестообразно сложены были кости усопших»⁸⁴. Военные действия в Крыму прекратились с октября 1855 г.

Н.Н. Мурзакевич, вновь посетивший Севастополь в октябре 1860 г., сообщал ООИД: «Остатки византийского Херсонеса, несмотря на последствия бывшей 11-месячной беспримерной в военных летописях битвы и на то, что среди оно было возведена неприятелями против Севастополя сильная батарея и прокопаны параллельные рвы, историческая местность, не взирая на все это, меньше повреждена, чем предполагалось. Фундаменты церквей и других зданий, нанесенных на план... Аркасом... и теперь хорошо видны, тоже и обширная базилика, на самом берегу моря, которая была открыта в 1853 г. Шемякиным под наблюдением гр. Уварова...»⁸⁵. Оценку Мурзакевича в целом подтверждает запись без указания года в тетради А.С. Уварова с дневником поездки в Крым, вероятно, относящаяся к 1875 г., где есть запись о Херсонесе: «24 августа приехали в Севастополь. В древнем Херсонесе местность мало пострадала от траншей неприятельских!»⁸⁶.

Но вернемся к проектам увековечения места крещения кн. Владимира. В год своего упразднения в 1859 г. Комитет для построения храма Св. Владимира в Севастополе располагал еще меньшей суммой, чем была собрана по первой подписке — 224 308 руб. В январе 1854 г. были назначены торги на постройку храма, но к его строительству так и не приступили из-за начавшейся Крымской войны. В 1858 г. Александр II повелел разделить собранную сумму пополам — для строительства инвалидного дома с домовой церковью в Севастополе и храма Св. Владимира в Херсонесе. Последний был заложен в 1861 г. вокруг остатков средневековой церкви, с которой связывали легенду о крещении князя Владимира, в присутствии императора Александра II и его семьи. Крестово-купольный собор в Херсонесе из-за перебоев в финансировании возводился вплоть до 1891–1892 гг. по проекту академика Д.И. Гримма, взявшего прототипом византийскую церковь Св. Сергия и Вакха в Константинополе, обращенную турками в мечеть. За строительством, длившимся несколько десятилетий, наблюдали сменявшие друг друга архитекторы К. Вяткин, Н. Арнольд, Ф.И. Чагин и Безобразов, расписывали храм академики живописи А.И. Корзухин, Н.А. Майков, почетный вольный общник Академии художеств Ф.Н. РISS, профессор живописи Т.А. Неф (Нефф), художники Н.Т. Мальшев и Молокин⁸⁷. Во время Великой Отечественной войны здание собора сильно пострадало и с тех пор стоит в руинах.

Список сокращений

ГАО – Государственный архив Николаевской области
 ГАОО – Государственный архив Одесской области
 ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
 ИР ЦНБ – Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского Национальной Академии наук Украины
 ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
 ООИД – Одесское общество истории и древностей

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 ЦГААРК – Центральный государственный архив Автономной Республики Крым

Примечания

- 1 Головачев В.Ф. История Севастополя как русского порта. – СПб., 1872. – С. 37; Тимофеев В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. – Киев, 1984. – С. 174.
- 2 Головачев В.Ф. История Севастополя. – С. 87, 195; Скальковский АА. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. – Одесса, 1838. – Т. 2: 1796–1823. – С. 8 сл.
- 3 Подробнее об истории археологического изучения Гераклеяского полуострова Крыма см.: Тункина И.В. Становление классической археологии в России (XVIII–середина XIX вв.). – СПб.: Наука, 2001 (в печати).
- 4 ЦГААРК. – Ф. 535. – Оп. 1. – Д. 845. – Л. 5 об.
- 5 Дубровин Н.Ф. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1774–1788 гг. // Сборник военно-исторических материалов. – СПб., 1893. – Вып. 6. – С. 121–122, 124, 126.
- 6 Тимофеев В.И. Города Северного Причерноморья. – С. 174.
- 7 [Таблицы КИ.] Физическое описание Таврической области по ее местоположению и по всем трем царствам природы. – СПб., 1785. – С. 22.
- 8 Головачев В.Ф. История Севастополя. – С. 77–78, 84.
- 9 РГВИА. – Ф. 349. – Оп. 2. – Д. 394. – Л. 57–60 об.
- 10 Dubois de Montrouxeux F. Voyage autour du Caucase. – Paris, 1843. – Т. 6. – P. 155.
- 11 Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. – Leipzig, 1801. – Bd 2. – S. 73; Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям русского государства в 1793–1794 годах / Отв. ред. Б.В. Левшин; Сост. Н.К. Ткачева. – М., 1999. – С. 47. – (Научное наследство. – Т. 27).
- 12 Gutbrie M. A tour through the Tauride or Crimea. – London, 1803. – P. 96.
- 13 Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех мест. – М., 1800. – С. 121–122. Практически цитатный повтор части этого описания см. в анонимном труде: Десятидневная поездка на южный берег Крыма. – Одесса, 1848. – С. 28–29.
- 14 ОР РНБ. – Нем. IV. – Q 181.
- 15 ГАНО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 42–46 об. См. также л. 48–78: Ростись земель, Севастополю принадлежащих (с именами владельцев); л. 228 (земли у Инкермана). В том же деле представлены интересные документы по истории Греческого пехотного батальона в Балаклаве.
- 16 Тункина И.В. Кабинет редкостей Черноморского депо карт // Очерки истории русской и советской археологии. – М., 1991. – С. 9–24.
- 17 РГАВМФ. – Ф. 166. – Оп. 1. – Д. 4221. – Л. 5–8.
- 18 РГАВМФ. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 85.
- 19 Белавенец П.И. Материалы по истории русского флота. – М.: Л., 1940. – С. 96.
- 20 Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейз. – М., 1984. – С. 86.
- 21 РГАВМФ. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 117 б. – Л. 11–11 об., 14 об., 30 об.
- 22 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 1630. – Л. 6–7 об., 10–11, 14–14 об., 17–18.
- 23 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 3486. – Л. 72 об.
- 24 Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: В 3 т. – Пг., 1917. – Т. 1. – С. 77–79.
- 25 Там же. – С. 79.
- 26 ЦГААРК. – Ф. 27. – Оп. 13. – Д. 73. – Л. 21–23.
- 27 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 1630. – Л. 1.
- 28 ИР ЦНБ V, 1224–1516. – Л. 52–52 об.
- 29 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 1630. – Л. 1–3; Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 1176. – Л. 14 об.
- 30 Головачев В.Ф. Указ. соч. – С. 230–232.
- 31 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 2801. – Л. 1.

- 32 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 1630. – Л. 4–7 об., 11, 14 с об., 17–18.
- 33 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 1630. – Л. 9–10.
- 34 Внутренние известия [..] Николаев, 30 марта // Северная пчела. – 1829. – 11 мая. – № 57. – С. 1–2; РГВИА. – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 87. – 7 л. (О сооружении памятника в древнем Херсонесе Таврическом в ознаменование приятия на сем месте Св. кн. Владимиром христианской веры. 1829 г.); Бобринский А.А. Херсонес Таврический. – СПб., 1905. – С. 174.
- 35 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 3029. – Л. 1–68.
- 36 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 2562. – Л. 14, 21, 61, 81, 100–101 об., 108 с об.
- 37 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 2802. – Л. 1–9 об.
- 38 М.П. Лазарев: Документы. – М., 1961. – Т. 3. – С. 63.
- 39 Лаишков Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонесе храма Св. равноапостольного князя Владимира // ИТЭАК, 1888. – Т. 5. – С. 8.
- 40 РГАВМФ. – Ф. 326. – Оп. 1. – Д. 13745. Церковь Св. Владимира, предполагаемая к постройке в военном карантине. План, фасад, профиль. 1836 г. Рулев Василий Александрович, пенсионер Академии художеств от Черноморского флота. Унтер-офицер 6-й морской артиллерийской бригады. В июле 1826 г. поступил в Академию художеств, в 1828 г. удостоен второй серебряной медали, в 1830 г. – второй золотой медали за «проект храма с инвазивными домами и торжественным памятником», в 1832 г. удостоен звания художника 14 класса; в 1857 г. получил звание академика архитектуры.
- 41 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 2562. – Л. 166, 203; Д. 3029. – Л. 69–71, 83–84.
- 42 Речь идет об Алупкинском дворце М.С. Воронцова, построенном в 1826–1846 гг.
- 43 М.П. Лазарев: Документы. – С. 81–83.
- 44 См.: РГВИА. – Ф. 349. – Оп. 37. – Д. 4479. План ц. Св. Владимира; Д. 4481. Фасад ц. Св. Владимира.
- 45 Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). – Севастополь, 1927. – С. 11–12.
- 46 М.П. Лазарев: Документы. – С. 51–52.
- 47 Описание опубликовано анонимно несколько лет спустя: Древности Ираклийского полуострова // Журнал Министерства внутренних дел. – 1847. – Ч. 19. – № 7. – С. 91–116; Переиздана: Русский инвалид. – 1848. – № 252–256. «Уведомляю Вас, – писал Аркас Мурзакевичу 24 августа 1847 г., – что в издаваемом журнале от Министерства внутренних дел помещены одни только древности Ираклийского полуострова без чертежей и планов в июле месяце с. г., которые посланы были к министру внутренних дел в 1844 г., но археологическое описание не помещено, притом посланное мною к Вам описание Гераклеяского полуострова и древностей его в 1846 г. заключает в себе более сведений, и исправлены некоторые ошибки» (ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 28 об.–29).
- 48 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 4–4 об.
- 49 Аркас З.А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсонеса // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – Отд. 1. – С. 245–271. Табл. 5–10. Отд. изд.: Николаев, 1879 (с портретом автора и 9 табл. чертежей).
- 50 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 5–8 об., 10–10 об.
- 51 М.П. Лазарев: Документы. М., 1962. – Т. 3. – С. 51–52, 355–356; РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 4275.
- 52 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 14, 17.
- 53 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 4719. – Л. 1–32.
- 54 Анфим, игумен. Историческая записка о Херсонисском св. Владимира монастыре // ЗООИД. – 1877. – Т. 10. – С. 427.
- 55 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 5110.
- 56 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 5110. – Л. 2–12.
- 57 К сожалению, планы в деле отсутствуют. Сохранились более поздние «Планы [мыса] Херсона с указанием земельного участка, принадлежащего монастырю Св. Владимира» в красках. Масштаб в 1 дюйме 100 саженьей, р. 320х405. См.: РГАВМФ. – Ф. 3–Л. – Оп. 27. – Д. 1270.
- 58 РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 5110. – Л. 17–с об., 26, 30, 36–37 об., 47 с об., 51 с об., 54.

- 59 ИР ЦНБ. V, 769. – Л. 2–3 об. План Херсонеса на л. 1 об., 4 (расшифровка условных обозначений почерком игумена Василия).
- 60 Маркевич А.И. Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // ИТУАК. – 1901. – № 31. – С. 38.
- 61 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 49, 50–51 об.
- 62 Гриневич К.Э. Указ. соч. – С. 14–15.
- 63 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 33–33 об. Ср.: Гриневич К.Э. Указ. соч. – С. 14–15.
- 64 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 36–37.
- 65 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 42–45 об. Чертеж см.: Л. 46 об.–47.
- 66 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 56 об.–57.
- 67 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 50–50 об., 51 об. (план).
- 68 ЕАНО. – Ф. 230. – Оп. 1. – Д. 1362. – Л. 1–2.
- 69 ОПИ ГИМ. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 10, 12–14 об.; РГАВМФ. – Ф. 243. – Оп. 1. – Д. 5469. – Л. 1–3 об.
- 70 ОПИ ГИМ. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 20 об., 25.
- 71 ОПИ ГИМ. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 22–24 об.
- 72 Яцуржинский Х. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсонеса Таврического // ИТУАК. – 1888. – № 5. – С. 112.
- 73 Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. 1. – С. 1–15.
- 74 Гриневич К.Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927). – Севастополь, 1927. – С. 16.
- 75 Уваров А.С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. – СПб., 1855. – С. 135–170.
- 76 Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях города Херсониса Таврического. – СПб., 1848.
- 77 Тункина И.В. А.С. Уваров и древности Южной России (конец 1840-х–начало 1850-х гг.) // Позбишие святыни. Охраняется государством. 4-я Российская научно-практическая конференция. – СПб., 1996. – Ч. 1. – С. 163–181.
- 78 Уваров А.С. Извлечение из всеподданнейшего отчета. – С. 159–171. 17 ноября 1853 г. Василий сообщил Иннокентию: «Нашли колонны мраморные, вырезанные листьями; еще несколько обломков мраморных колонн и пьедесталов, обломки плит таких же с высеченными на них крестами, обколотые по краям. В земле лежат две колонны мраморные, длиною в 6 аршин [4,267 м] каждая, но еще не открыты совсем [...] Теперь, когда очистили основания, видно, что левый угол здания упал в море, сажени на две [4,267 м]» (ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 52–52 об.).
- 79 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 49–52 об.
- 80 ОПИ ГИМ. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 191. – Л. 49–52 об.
- 81 Гриневич К.Э. Указ. соч. – С. 17–18.
- 82 Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. – Красноярск, 1986. – С. 12, 160–162.
- 83 Macpherson D. Antiquities of Kertch and Researches in the Cimmerian Bosphorus. – London, 1957. – P. 44–46; Немировский А. И. Нить Ариадны. – Воронеж, 1972. – С. 118.
- 84 О раскопках англичан в Балаклаве Кондараки рассказывает со ссылкой на английский «Аттенейст» (1856. № 1470). См.: Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. – СПб., 1875. – Ч. 15. – С. 47.
- 85 ГАОО. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 56.
- 86 ОПИ ГИМ. – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 199. Ср.: Стрижова Н.Б. Граф А.С. Уваров и великий князь Сергей Александрович (по материалам ОПИ ГИМ) // Санкт-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм»: Сб. м.-лов. – СПб., 1996. – Вып. 9. – Ч. 1. – С. 203.
- 87 Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. – М., 1986. – С. 54.